

Москва, 7 января 2019 г., РАНХиГС

Экспертная сессия ВЦИОМ в рамках Гайдаровского форума

УСЛОЖНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА: ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ведущий: Мы начинаем нашу сессию: «Усложнение структуры общества, как тема и проблема для социально-экономической политики». Сразу попрошу отключить звуковые сигналы мобильных телефонов, сделать это, надеюсь, несложно. Так же предупрежу, что мы ведем видео и аудио запись. И каждое ваше слово будет запечатлено для истории и использовано для вас. Затем мы повесим, конечно, все эти записи для всеобщего обозрения. Что еще хотелось бы сказать, воспользуюсь, значит, возможностью и помашу одной книгой. Может быть, кто-то ее видел, она называется «Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016-2018-х годов и перспективы политического транзита». Она свеженькая, месяц всего назад вышла из типографии, это коллективная монография экспертов ВЦИОМ, посвященная прошедшему электоральному циклу, но и это имеет непосредственное отношение к нашей сегодняшней дискуссии. Примерно треть книги - это такая социологическая и политическая футурология, то есть она не про прошлое и даже не про настоящее, она про будущее, причем, будущее ближайшее. Вот одна из глав посвящена выборам 2021 года, да, до них уже меньше трех лет осталось, и мы эту главу написали, значит, через выявления и анализ ключевых рисков. Вот ровно первым риском мы назвали следующий: усложнение структуры общества и политические последствия социально-экономических реформ. К 2021-ому году, наверное, уже поздно будет что-либо делать, да, мы уже эти последствия будем пожинать, хотим мы того или нет, но сейчас у нас 2019-й только начинается поэтому есть возможность как-то еще изменить ход истории, да, адаптировать социально-экономическую политику не только к вызовам, в том числе внешним, но и к общественным запросам, об этом мы сегодня и поговорим. Как мы будем работать. У нас есть шесть записавшихся докладчиков, каждому мы дадим по 7 минут.

Ведущий: Надеюсь, все будут использовать время рационально. И открывающий доклад, подготовленный экспертами ВЦИОМ Степаном Львовым, Михаилом Вядро, он займет несколько больше времени. После каждого выступления мы дадим три минуты на короткие вопросы и ответы. И в завершение у нас, надеюсь, останется еще время на небольшую дискуссию. И так, предлагаю начать, Степан Васильевич, вы.

Львов С.В.: Да, Валерий Валерьевич, спасибо. Начну с представления с докладчика - с Михаила Вядро, вот он здесь, его вклад в создание этого доклада огромен, но я вытащил короткую спичку, поэтому спичка со мной. Сразу скажу, что доклад, он ориентирован на слом определенных традиции. У ВЦИОМ две традиции. Первая традиция: вы привыкли, что мы социологи-прикладники приходим к вам с докладом по результатам исследований, докладываем, рассказываем, а вы на все это смотрите, открываете для себя что-то новое, критикуете, соглашаетесь и так далее, а мы делаем какие-то выводы, интерпретации и так далее. Но мы решили в этот раз примерить некоторые себе... примерить на себя такие крылья своеобразные и полететь. Полетим ли мы или нет, конечно, результат будет виден чуть позже, через 10 минут, но эмпирика тоже будет, но это лишь иллюстрации для того, чтобы показать, что теория, методология и

практика очень тесно связаны между собой. Будет предпринята попытка затянуть вас на зыбкую почву такую некоторую, просим в некотором таком формате попробовать вытащить себя из болота, в котором сегодня оказывается прикладная социология. В чем проблема? Проблема в том, что сегодня мы часто не попадаем в контекст социальных процессов, он становится все более затруднительным. Прежде всего, затруднения у нас происходят на так называемом мезоуровне, процессы, которые происходят на уровне регионов, на уровне социальных институтов, отдельных мелких или крупных социальных групп. Когда мы предполагаем, что результаты наших исследований лягут в основу управленческих решений, здесь мы чувствуем себя все менее и менее уверено. Раньше было намного проще, наши рекомендации, они фактически очень легко трансформировались в управленческие решения. Сегодня, к сожалению, это не так. Мы грешим иногда на оптику нашу так называемую, не зря лупа лежит на экране, на книжке, но она, мне кажется, не всегда тут играет важную роль. То есть с оптикой как раз все нормально, с оптикой мы, наконец-то, разобрались, все более или менее становится адекватным, валидным, репрезентативным и так далее, все эти проблемы решены. Проблема, как мне кажется, в наших головах, в нашем непонимании того, что нужно делать с теоретическим обоснованием процессов, которые происходят в обществе, с методологией, которую нужно разрабатывать, это мы покажем тоже и как создавать объяснительные модели, то есть потребность в них сегодня огромная. И так, каковы главные условия попадания в контекст. Мы считаем, что нужно выбирать адекватные дифференцирующие признаки – это одно из условий, конечно же, есть и другие условия, но акцент сегодня будет сделан на этом. Сегодня, если обращаться к традиционным стратификационным подходам, сегментационным подходам, то сегодня, сразу скажу, что работают два основания традиционных – это деление на возрастные группы, когорты, кто как привык и самооценка материального положения – это пока еще работает. За последние несколько лет постепенно отпала актуальность таких показателей дифференцирующих признаков, как уровень образования, потребление каналов... предпочтительные каналы потребления информации. Еще буквально два года назад потребители информации в Интернете и люди, которые смотрят телевизор, они резко отличались, сегодня между ними больших различий нет. Мы пытаемся это увидеть, но никак не получается. Населенные пункты, мегаполисы, средние города, малые города, они сегодня тоже резко перемешиваются, информационная среда одна, типы информационного потребления, коммуникации, так же они сближаются. Провокация первая. Красный флаг, конечно, мы сейчас не будем размахивать красным флагом как итальянские коммунисты, но мы заимствуем одно из определений, которое нам показалось весьма, весьма продуктивным, оно называется множество. Итальянские левые деятели, вы их, наверняка, про них слышали либо читали книги Антонио Негри, Паоло Вирно - эти деятели приезжали к нам, тоже выступали с докладами и так далее. Наверное, это было лет 10 назад – приезжал Негри, а Вирно приезжал в прошлом году. Их идея состоит в том, что сегодняшнее общество – это уже не народ в классическом понимании, в том понимании, в котором эти понятия давали нам Гоббс и так далее, они оперируют множеством как совокупностью сингулярностей. Помните, да, атомизированное общество, кто у нас являет апологетом этой теории, да, знаете – Бауман и еже с ними так далее утверждают, что сегодняшнее общество максимально атомизировалось и сегодняшние все социальные проблемы связаны с этим. Но есть альтернативная точка зрения, что на самом деле атомизация эта происходит, но эти

сингулярности, которые происходят в ходе атомизации, они как-то сообразуются в некоторую совокупность. Эта совокупность, мы ее сейчас попробуем тоже раскрыть, как она тоже возникает по своим определенным правилам. И сегодня мы как раз с позиции этих деятелей, определяющих, что это способ существования сегодняшнего общества, пойдем дальше. Множество - это угроза для народа и государства, Гоббс тоже в свое время это определял. Как зарождаются множества. Есть две причины: страхи и тревоги. Страхи, понятное дело, здесь уже можно сослаться на другого известного философа Хайдеггера, Мартин Хайдеггер, который считал, вернее, определял страх как некоторую ограниченную и страх всегда органичен, и что он всегда может быть назван. Верхняя картинка, мы можем опознать, дать какие-то характеристики, сказать, что это такое-то чудище, с такими-то зубами, с такими-то лапами и так далее. Есть тревоги, да, тревоги, они вездесущи, они не связаны с каким-либо особым случаем, могут предстать в любой момент и при любых обстоятельствах. Так страхи, тревоги — это основные атрибуты современности. Сегодняшний человек, он находится в ситуации тревожности, которая является результатом комбинации страхов и дальше у нас будет эмпирическое обоснование этому тезису, это уже наш тезис. Идем дальше. Насколько сегодня тревоги и страхи распространены в нашем обществе. И так, символически, символически 51% - половина и чуть больше относится, и думает о своем будущем с тревогой. Но это, конечно, декларации, здесь нужно делать отдельные допущения и так далее, но заявление есть заявление. Так, теперь о выраженности страхов. 36% - у этих людей страхи выражены в достаточно высокой степени. Здесь нужно пояснить. Мы задавали батарею из 13-ти позиций, в которых тестировали отдельные пункты, то есть как вы оцениваете... Задавали вопрос таким образом: Как вы оцениваете появление следующих проблем, в том числе в вашей жизни? Перечислили 13-ть возможных проблем. Если человек называл более семи проблем, то мы относили его в эту красную зону, таких оказалось 36% — это люди, у которых выражены конкретные, реальные, можно даже сказать, рациональные страхи. Но когда их переваливает за определенный барьер, то мы считаем, что эти люди очень сильно подвержены тревогам. Так, есть зависимость от материального положения. Видим, что те, кто оценивает материальное положение как хорошее, меньше подвержены страхам. Те, кто оценивают свое материальное положение как плохое, в большинстве своем - 56% называют страхи фактически в большинстве случаев. Теперь можно сказать о том, что существуют... страхи тоже делятся, они неоднородны. Есть страхи экономические, есть страхи общественные, физические - это не мы придумали, это результат факторного анализа, который я представлю на следующем слайде. И так, группировка произошла следующим образом, вы знаете, что факторный анализ предназначен для того, чтобы минимизировать количество переменных, вычленив несколько переменных, которые максимально... Вот таков результат факторного анализа. Мы применили так же метод кластерного анализа и увидели, что есть группа, которая группирует свои страхи несколько иным образом. Обратите внимание на группу красным, да, 9% страх потери контроля, возврата к 90-м. Вот эта группа сегодня высказывает очень высокую степень готовности к участию в протесте. Практически 66% из этой группы, они выражают готовность участвовать в разнообразных протестных акциях. Теперь о том, как происходит эта защита. Для того, чтобы коммуникация вот эта происходила, для того чтобы множество создавалось, нужно, нужны определенные общие места, то есть коммуникация происходит таким образом, человек, который испытывает страх и тревогу

нуждается в защите от опасностей мира и обращается к самому простому рецепту – к общим местам. Это стереотипное устойчивое словосочетание банальности, твердой метафоры и так далее. Список можете продолжить сами. И таким образом возникает некий такой эффект генерального интеллекта, да, когда инфантильное современное общество начинает, базируясь на фундаментальных, но в то же время простых лингвистических конструкциях отрицает риторику и начинает повторять простые словосочетания, мы это называем мантрой, для себя, для своей работе мы это называли мантрами. Дальше будут примеры этих мантр. Жертвы этих мантр молодежь, которая сегодня воспринимает пенсионную реформу наиболее негативно по сравнению с другими возрастными группами. В этой возрастной группы нет рациональных причин воспринимать пенсионную реформу негативно, но есть коммуникация, которая этому способствует. Есть формы, по которым продвигают эту коммуникацию, вот Пенсионная реформа – сдохни до пенсии, не заработай денег – простая формулировка? Да. Повторяется? Повторяется. Вот они мантры. Это примеры из фокус-групп, зачитывать не буду, чтобы было понятно и по поводу пенсионного возраста, по поводу выборов, по поводу Телеграм. Просто скажу, например, что, проиллюстрирую, например, выборы в Приморье. Везде, где Кожемяка был, все развалил. Модератор задает уточняющий вопрос, вот Михаил задавал уточняющий вопрос: «А что же он развалил?». Ни в одном случае уточняющих ответов не было. То есть, есть «все развалил» - мантра? Мантра. Повторяется? Повторяется. Таким образом у нас создается такое множество. И коллективность множества, она как раз устраивает вот это большинство, оно формируется, оно транслируется, продуцируется и так далее. Оно в какой-то мере притягательно, оно исключает неравенство из числа депривационных факторов. Вот как раз сейчас я буквально через минуту закончу. Последний тезис. Как раз на одном из последних научных советов как раз обсуждали тему неравенства. Леонид Маркович Григорьев, присутствующий здесь, выступал с очень интересным докладом, но вот этот фактор, он здесь вот как раз вот это множество отрицает и так далее. Страхи и протестная активность тесно связаны. И самый важный тезис о том, что люди, которые подвержены страхам, группы, которые... среди которых выражены страхи, они негативно оценивают деятельность власти, причем, резко негативно. То есть пока мы нашли вот этот дифференцирующий признак, который, на наш взгляд, является перспективным, продуктивным и весь тезис наш как раз состоит в том, что, коллеги, давайте искать такие признаки, да. Мне кажется, с общими усилиями будем искать, да, такие признаки, которые позволят нам...

Ведущий: Которые нам многое позволят.

Львов С.В.: Да, позволят нам многое.

Ведущий: Да, будем искать. Предлагаю начинать искать прямо сейчас. У нас есть возможность пару вопросов задать докладчику. Вот первый вопрос, пожалуйста, просьба говорить в микрофон и задавать вопросы, а не высказывать суждения, для них я, надеюсь, время еще предоставим.

Рабинович А.: Рабинович Анатолий. Как раз к пенсионной теме, я глава Национальной Пенсионной Ассоциации, но вопрос у меня не по пенсионной теме, а по тому, что вы говорили в своем вступительном слове. Мы здесь уже третий день в академии на форуме и гражданское общество не имело права задать даже вопросы. Спасибо вам большое, что вы, наконец, в третий день разрешили это сделать. Значит,

национальные проекты, которые сейчас обсуждаются не обсуждались ни гражданским обществом, ни общественными институтами ни по какой сфере: ни по сфере здравоохранения, ни по сфере пенсионной системы, ни по сфере экономики и так далее. Может быть, это как вопрос к тем исследованиям, которые вы проводили, может быть, чтобы не было вот тех зависимостей, о которых речь, к тем 15-ти показателям, которые президент инициировал для губернаторов, попробовать спросить у людей, для них каковы показатели 10 или 15, которые к концу 2024-ого года по результатам национальных проектов они могли бы оценить, насколько эффективно эти проекты осуществляются и выявить эти показатели.

Ведущий: Я прошу прощения, но на этот вопрос я отвечу сам, он не совсем к докладчику. Вчера Владимир Путин на совещании с членами правительства сказал, что итоги уже в конце 2019-ого года первые будут подводиться и они будут подводиться не по отчетам, а по реальным делам и по восприятию людей. И напомним, что в списке, значит, индикаторов деятельности успешной или не очень губернаторов на первом месте тоже стоит индикатор такой важный, комплексный, интегрирующий называется доверие граждан. Поэтому отчетов, я уверен, будет много толстых и даже насыщенных, но бить будут не по паспорту, как в известном анекдоте, а по физиономии, если доверия не будет или оно будет падать в результате вот этой всей деятельности. Еще один вопрос. Да, пожалуйста, на первом ряду.

Майсурадзе К.: Спасибо большое за доклад. Кирилл Майсурадзе политолог РАНХиГС. Вы охарактеризовали то общество с точки зрения страха. Какова роль общественно-социальных сил России с целью преодоления тех самых страхов, как вы можете охарактеризовать гражданское общество в России, которое может влиять на этот показатель, охарактеризовать государственные институты и власть, и оппозицию в целом? Благодарю.

Львов С.В.: Да, спасибо за такой содержательный вопрос, потому что вся дискуссия, все наши эксперты как раз пришли, собрались для того, чтобы найти ответ на этот вопрос. Но как раз я хотел бы вернуться, ладно, возвращаться не буду, к презентации: проблема доверия и страхов, то есть это противопоставление, это две антагонистические категории, которые тянут человека в одну или в другую сторону. Если человек испытывает доверие к социальным институтам, группам и так далее, он к ним может примкнуть, а если нет доверия, он испытывает страх, он оказывается... Но это упрощенная формула, но можно это развивать, можно искать какие-то дополнительные объяснения, но вот так. Спасибо.

Ведущий: Я уверен, у всех спикеров, так же у большинства участников есть свой ответ на этот вопрос, может быть, даже не один. Поэтому студентам и выпускникам, которые присутствуют здесь у нас, ребят, давайте взрослые вопросы задавать, ладно, мы вас не зря учим этому. Это явно был вопрос детский, ответить на него лаконично, конкретно и полезным образом невозможно в течение того времени, которое у нас есть. Не в обиду, надеюсь. Давайте последний вопрос и перейдем к следующему докладчику, которым будет Владимир Петухов.

Глинкин А.: Алексей Глинкин Российская ассоциация футбола среди инвалидов. Вот по поводу мантр хотел бы уточнения от вас, вы сказали: «Наша задача выявлять эти

мантры». Ваша задача действительно их находить или задача менять общество, чтобы они не возникали? Просто уточнение.

Львов С.В.: Вопрос тоже из разряда тех, на который все наше экспертное сообщество ищет ответы и пока не может найти. Поэтому давайте мы сначала их послушаем, потом...

Ведущий: Короткий ответ можешь дать?

Львов С.В.: Он может быть только развернутым, к сожалению.

Глинкин А.: Я просто имел в виду лично ваше, как докладчика.

Ведущий: Хорошо. Воспользуюсь подачей Стаса. Спасибо большое, вопрос действительно важный, настолько важный, что в этом году мы посвятим ответу на него целую большую конференцию. В конце марта на площадке Финансового университета в Москве пройдет 9-я Грушинская конференция, которая как раз и будет посвящена не только измерениям, не только тому, что мы исследуем, выясняем, анализируем, но и социальной инженерии, да, то есть возможности изменений и тому, какую роль в этих изменениях могут сыграть ученые, прежде всего, конечно, социологи, но не только. Она пройдет в течение двух дней, надеюсь, многие ответы будут даны, хотя, конечно, не окончательные. Сама природа нашей науки такова, что ответы в ней все сугубо неокончательные. Всех приглашаю. И передаю слово Владимиру Петухову, представляющему Институт социологии Российской Академии Наук и одновременно, заместитель председателя научного совета ВЦИОМ. Владимир Васильевич, пожалуйста.

Петухов В.В.: Спасибо. Поскольку у нас формат изменился, поэтому в такой буквально тезисной форме, если получится, конечно. Но сначала хотел бы отреагировать на выступление Степана и начать нашу дискуссию... делится на два сюжета, на два тезиса, которые прозвучали в докладе. Первый, значит, основная проблема нынешней реальности заключается в том, что мы, как исследователи, не имеем адекватных объяснительных моделей тех процессов, которые происходят в стране. Я с этим, конечно, отчасти согласен, но должен сказать, что и многоэффективная социальная реальность настолько усложнилась, что очень трудно, действительно, найти эти ответы. Я не помню, по-моему, тот же Бауман, который здесь упоминался, характеризовал нынешнюю реальность не только в России, но и в мире понятие «текущая реальность», то есть реальность без очевидных каких-то проявлений и где многие процессы происходят латентно и их очень трудно обнаружить, зафиксировать и проанализировать должным образом. И дальше он говорил о неопределённости перемен и отсюда, кстати говоря, дефицит концепций будущего, потому что очень трудно понять, что происходит в настоящем. Этим и отличается наша нынешняя ситуация в стране от того, что было, например, в 90-е годы, где многие процессы проходили в открытых формах и вполне очевидных. Теперь по поводу страхов. Буквально очень коротко. Я просто хотел сказать, что многие страхи на самом деле рукотворны, а не являются часто объективным проявлением реакции общества на те или иные процессы. Вы посмотрите на первый слайд, который я представляю, это, кстати, первое наше исследование за последние пять лет, которое мы взяли в рамках проекта Российского научного фонда. Вы посмотрите, оценка ситуации в стране в целом, в регионе проживания и муниципальном образовании. Самые высокие показатели тревожности – это ситуация в стране и самые низкие показатели в регионе проживания. Казалось бы, должно быть ровно наоборот,

чем дальше от Москвы, тем хуже, но ситуация в стране – это то, что они видят в телевизоре, а ситуация в муниципальном образовании – то, что они видят в своем эмпирическом общении с этой реальностью и она не выглядит столь катастрофической, как ситуация в стране. Теперь по тому, что я хотел сказать. Сегодня я хотел свое выступление посвятить проблеме запросов на перемены и формирование новых субъектов социального действия. Должен сказать, что одной из отличительных особенностей нынешней ситуации в стране заключается в поднаживании, если не разрушении патерналистского консенсуса. Этот процесс идет уже на протяжении многих лет, об этом Иосиф Евгеньевич писал в свое время, Наталья Евгеньевна, но сегодня он приобретает отчетливо выраженные черты и, причем, это подтачивание консенсуса происходит с двух сторон: со стороны власти, которая все чаще и все более открыто говорит о необходимости гражданам брать ответственность за решение своих проблем и проблем своих семей на себя и со стороны общества, во всяком случае, не общества в целом, а значительных социальных групп, которые понимают, что надежды на государство, равно как и пассивная адаптация к изменяющимся условиям социально-экономической ситуации в стране, они бесперспективны и что действительно нужно все больше ориентироваться на свои силы, на свои возможности и так далее. И вот это вот на самом деле подтачивание патерналистского консенсуса, он в свою очередь приводит к переформатированию общественного запроса. Если вы посмотрите, на этом слайде вы видите, какое огромное различие было в запросе на стабильность и в запросе на перемены. Соотношение в 2012-ом году 72 на 28 и где-то, начиная с 2016-ого года, он начал запрос на стабильность уменьшаться, уменьшаться, причем, по социологическим меркам на очень большие значения, там практически 20% и, соответственно, рос запрос на перемены. Сейчас эта динамика несколько приостановлена, даже некоторый возвратный есть тренд, но, тем не менее, все равно относительное большинство россиян полагает, что страна нуждается в переменах, нужны новые реформы экономической и политической жизни страны. Немалое число россиян так же полагает, по-прежнему полагает, что нужна стабильность, но, тем не менее, такие сдвиги, вектор общественных ожиданий. Причем, здесь важно не только то, что... Это к вопросу о социальной структуре, которая была заявлена в качестве темы, что население в целом, но и в том, что в наиболее активных социальных группах этот запрос еще более ярко выражен. Посмотрите, какой процент, заявивших о необходимости перемен, мы видим молодых, молодежные страты, особенно в когорте 18-20 лет, так сказать, людей, имеющих высокий материальный уровень дохода, значит, соответственно, и наоборот, тут не буду останавливаться, тут и так отчетливо все видно. Когда мы задали вопрос о том, а какие же все-таки группы и слои в наибольшей степени заинтересованы в переменах, то здесь тоже с большим отрывом, вы видите, лидирует молодежь. И дальше видите российского общества в целом: рабочие, бедные слои и так далее. Но здесь любопытно даже не это, молодежь всегда считается, является некоторым таким триггером преобразований в силу своего возраста, инициативности и так далее, тут как бы ничего такого экстраординарного нет. Большой здесь интерес представляют последние позиции, да, это государственные служащие, политики, чиновники и сотрудники силовых структур. То есть этот запрос, по мнению россиян, не характерен для экономической и политической элиты, а в большей степени для общества в целом. И в силу этого, а поскольку запрос артикулируется всегда элитами, он в настоящее время, я сейчас просто подробно не буду останавливаться, в настоящее время совершенно не

артикулирован, носит очень абстрактный такой, аморфный характер и выражается в основном в наборе требований такого социально-экономического характера, то есть он не политизирован, не идеологизирован, то есть там нет никаких ценностных компонент, а, скорее, набор каких-то требований.

Ведущий: Владимир Васильевич, одна минута.

Петухов В.В.: Одна минута. Да, жаль. Тогда, значит, что я хочу сказать, что в результате этого процесса на самом деле происходит число людей, которые открыто заявляют, что они сегодня не нуждаются в систематической поддержке со стороны государства и рассчитывают на свои собственные силы, и сегодня процент этих людей – 42%, 48%, а все-таки тех, кто говорят, что не могут жить без поддержки государства – 52%. Но здесь даже интересно не это, а то, что, опять же, мы видим ту же самую картину: россиян, готовых самим отвечать за себя, за свои семьи, чем моложе, тем больше они представлены, в большей степени и, соответственно, в мегаполисах у хорошо материально-обеспеченных россиян. И последнее, что я хочу сказать, дело даже не в том, что как бы они декларативно заявляют о том, как бы они готовы таким образом действовать, но и то, что это реализуется в их ценностных установках и установках, прежде всего, на инициативность. Смотрите, главная инициатива предприимчивость, нужно бороться за свои права – в этих группах просто доминирующая, те, кто ориентирован на перемены, доминирование этих ценностных установок – это говорит о том, что мы можем, во всяком случае, прогнозировать изменения атмосферы в обществе и синдром безысходного терпения, который был характерен для 2000-х годов, сменится ростом активистских социальных практик. Я просто сейчас не могу об этом говорить, у меня нет возможности. И все большее число людей действительно будут решать свои проблемы и, так сказать, в рамках солидаристских практик. И у меня такое представление, что и государство это понимает, во всяком случае, то внимание к волонтерству, к благотворительности, к всевозможным социальным инициативам сегодня имеет место, мы видим, какие предпринимаются на сегодня усилия.

Ведущий: Да, я думаю, мы еще поговорим об этом. Спасибо, Владимир Васильевич. Просто повторю одну из последних фраз, которая меня так, конечно, удивила, что у нас, оказывается, в нулевых годах было безысходное терпение. Что мы там терпели, я не помню, при экономическом росте в 6-7-8%.

Петухов В.В.: Это такой социологический термин.

Ведущий: Терпеть было сложно, но мы это терпели. Сейчас у нас экономический спад либо стоит на месте уже лет 7 или 8 и, вдруг, терпение кончилось. Парадокс, конечно, но интересно. Я не буду узурпировать право на вопросы, да, опять-таки, я повторил то, что было сказано и давайте, как и было заведено, три вопроса из зала. Кто первый? Да, пожалуйста, девушка в третьем ряду.

Канева М: Канева Мария, институт Гайдара. Просто объясните, интересно, безысходное терпение в отношении экономического роста.

Ведущий: Все запоминают только последние слова.

Петухов В.В.: На самом деле это вполне известное социологическое понятие. Оно здесь, значит, слово терпение не вполне может адекватно... Я думаю, что это кто-то не очень точно перевел этот термин на русский язык, конечно, это из западной социологии

идет. Речь идет о том, что ситуация при которой граждане готовы делегировать свои полномочия и решение своих проблем, и жить частной жизнью, никак не реагируя на те изменения, которые происходят. Более того, хочу сказать, что, например, парадоксальный вопрос заключается в том, значит, как же так, да, тогда экономика росла, как бы вот это было терпение, а сейчас высокий риск, оно меняется. На самом деле мы всегда все знаем, по нашим опросам это видно, что самый низкий уровень протестных настроений и тезисной ситуации был как раз для тех, что люди в этот момент были заняты адаптацией к новым реальностям и, в общем-то, они мало обращали внимание на те изменения, которые происходят в стране. Сейчас мы видим просто и по выборам, и по запросам, которые формируются в обществе, готовность как-то что ли воздействовать на власть для решения тех проблем, чем это было раньше. И я вам хочу сказать, что чем ситуация улучшается, тем выше планка общественных притязаний – это тоже известно.

Ведущий: Спасибо. Еще вопросы? Вот второй ряд.

Рощин Е.: Спасибо большое за доклад. Евгений Рощин РАНХиГС. Скажите, пожалуйста, если 42% людей готовы брать на себя ответственность сами за свои семьи, то не будет ли это коррелировать со спадом спроса на государство как таковое, на дальнейшее регулирование, а следование со спросом на идеологию и политические движения, которые будут продвигать, допустим, не знаю, либертарную идеологию?

Петухов В.В.: Я думаю, что снижение запроса к государству не произойдет. Другой вопрос, что сам формат этого запроса меняется. Если раньше был так называемый запрос на сильную руку, такую жесткую власть, которая должна навести порядок, то сегодня этот запрос к государству, он, я бы назвал его таким, он носит более характер, то есть власть должна быть не столько сильной, сколько эффективной, а вот этого как раз многие люди не ощущают и вот это на самом деле меняет вообще конфигурацию. Например, если будет возможность... А, уже убрали. Короче говоря, там был один слайд, я его пропустил, где, например, сегодня сильная власть, запрос на сильную власть уступает запросу, кстати говоря, на реализацию демократических институтов и каких-то практик. Несмотря на то, что другие социологи говорят, что он по-прежнему актуален, вспоминая Сталина и так далее, так далее, ностальгия по Советскому Союзу, но на самом деле, кстати говоря, россияне сегодня ностальгируют даже, особенно молодое поколение, не столько по Советскому Союзу, как ни странно, Валерий Валерьевич, к вашему вопросу, сколько о первых каденциях путинских времен. Очень многие россияне считают, что самое благоприятное время в России было в первые две каденции Путина. Но сегодня, еще раз говорю, это бюрократический запрос, скорее, на эффективность власти, чем на ее силу и такую жесткость.

Ведущий: Да, спасибо. И третий, последний вопрос. Вот слева третий ряд, пожалуйста.

Федоров Н.Ю.: Спасибо. Федоров Николай Юрьевич Российский государственный университет. Будьте добры, вы упомянули чиновников и их как бы отсутствие заинтересованности в переменах.

Петухов В.В.: Нет, это не я упомянул, это наши респонденты.

Федоров Н.Ю.: Понятно. Как вы полагаете, на чем основано отсутствие заинтересованности в этом: на понимании сложности перемен, потому что это

государственные люди или на незаинтересованности и какие основания для того и другого? Спасибо.

Петухов В.В.: Мне кажется, значит, здесь я должен одно уточнение сделать, так считают опрошенные россияне, что чиновники не заинтересованы в переменах. Наверное, у них для этого есть какие-то основания, я бы не хотел это комментировать. Но я должен сказать, что, когда мы смотрим социально-профессиональный срез вот того вопроса: Заинтересованы ли в переменах? Как раз очень многие госслужащие, скажем так, они у нас идут как госслужащие, как раз демонстрируют очень высокую заинтересованность. Так сказать, респонденты, опрошенные среди госслужащих, говорят о том, что они хотели бы перемен. Но такое о них мнение сложилось в обществе, что они ничего не хотят менять в этой жизни.

Ведущий: Спасибо. Переходим к следующему выступающему. Я предоставляю слово Олегу Чернозубу, который представляет Научно-исследовательский институт Социального управления РАНХиГС. Пожалуйста, Олег, кстати, один из соавторов книжки, о которой я говорил и в том числе автор одной из футурологических глав, но посвященной не 2021-ому году, а, скорее, после 2024-ого.

Чернозуб О.: Спасибо большое докладчику, прежде всего. Спасибо большое, прежде всего, докладчику, который в своем докладе, Степан Васильевич поднял очень актуальный вопрос, характерный не только для нашей социологии, не только для нашей политической системы. Я думаю, что большинство присутствующих в зале помнят, что в 44-ом году Лазарсфельд провел свое классическое исследование округа Эри, где выяснил, что совершенно четко жители городов: рабочие и протестанты голосуют за демократов, а жители сельской местности: крестьяне и католики голосуют за республиканство и все было прекрасно. Но уже в 61-ом году выходит новая книга знаменитая, значит, американский избиратель, где автор разводит руками и говорит, слушайте, перестала работать. Ровно с такой же ситуацией мы сталкиваемся и сейчас. То есть это очень важно в общегражданском смысле, если власть, если оппозиция, политические силы в целом не понимают, почему люди голосуют так или иначе, они плохо понимают, на кого опираться, какую линию проводить, и какая политика будет взвешенной и эффективной в общегражданском, в общенациональном смысле. То есть та постановка вопроса, которую предложил наш основной докладчик, мне кажется очень актуальной, но со всем остальным мне трудно согласиться, поэтому четыре коротких тезиса. И так, первый, Джон Стюарт Милль учил нас, что понимание происхождения идей делает человека свободным. Значит, предлагаю всем освободиться, осознав, что в основу, идейную основу сделанного доклада представляет собой в третьей или четвертой возгонке, в основной своей идеи Фрейда, Марксизма, суть которой заключается, наверное, в том, примерно, в том же, то есть рабочий класс не оправдал надежд на свою революционность, давайте поищем еще угнетенных, интересы которых можно было бы защищать. Соответственно, в качестве угнетенных отыскиваются мелкие группы, начиная от граждан нетрадиционной ориентации, заканчивая всеми прочими и таким образом возникает и вбрасывается в общественное сознание, в научное в том числе, идея, псевдоидея, не имеющая никакого научного основания, о так называемом усложнении социальной структуры общества. Второй тезис – никакой материальной основы для усложнения социальной структуры нет. У нас уже, примерно, 60 лет практически не происходит углубление разделения труда в мировом масштабе. Нет

возможности обосновать этот тезис, но кому интересно, можете набрать в Интернете, называется «Атлас новых профессий Сколково». Значит, был огромный проект, изучив мировую литературу, все мыслимые источники, коллеги из Сколково проделали огромную работу для того, чтобы понять, а какие же новые профессии можем мы ожидать в пределах ближайших 20-50 лет. Посмотрите, что там за профессии. Например, в образовании вы там обнаружите новую профессию, ожидаемую в течение ближайших лет, 20 лет – тьютор или ментор. Там машиностроение – разработчик роботов для детей, разработчик роботов для кухни. Еще такие тезисы, научность которых очевидна для большинства присутствующих. Таким образом материальной основы для усложнения нет и самого усложнения нет. А что есть, вот что на самом деле есть и почему действительно перестали работать те объясняющие модели, о которых говорил Степан Васильевич, в этом вопросе я могу с ним полностью согласиться. Происходит не в социальной сфере, а в гносеологической сфере происходит кризис, до сих пор пока остающийся мейнстримом современной общественной науки – концепция рационального человека. Значит, он зародился еще со времен Адама Смита и даже раньше и суть его заключалась в том, что в основе своей человек ведет свою деятельность, осуществляет поступки, предпринимает действия, исходя из представлений о том, что ему выгодно, что для него благоприятно. Значит, в научной основе в последние годы этот тезис сам по себе проблематизирован настолько, что три человека, два человека за это уже получили Нобелевскую премию.

Мужчина: В экономике.

Чернозуб О.: В экономике. Секундочку. Даже в экономике сказано, что модель рационального человека в условиях идеальных, когда она должна действовать, действовать с огромными ограничениями и не только на частном уровне, но и на уровне институтов, на уровне предприятий. Предприятия ведут, имеющие возможность собрать всю необходимую информацию, обработать и так далее, они ведут себя нерационально. Таким образом, что делать, исходя из этого. То есть мы, задавая рациональные вопросы респондентам, не может рассчитывать получить на них вполне адекватный ответ, помимо всего прочего, потому что сам респондент не знает ответов на эти вопросы. То есть, в принципе, доказано, ну, как доказано, еще Парадокс Алле, так называемый, когда появилась эта модель Фридмана, Саважа о том, что рациональный человек действует, пытаясь комбинировать ожидаемую выгоду оптимальным образом. Уже тогда это было доказано, что это невозможно. И так, что же делать, если мы не понимаем, человек сам не понимает, что ему выгодно и как он себя будет вести и, тем более, плохо понимает, почему он себя так будет вести, почему он будет голосовать не за одного, а за другого. Значит, на мой взгляд, я предложил бы чуть-чуть другую парадигму. Значит, необходимо изучать и сфокусировать свое внимание на изучении механизмов принятия решений, факторов, с этим связанных, отталкиваясь от фундаментального допущения, что только часть действий человека, только часть его мотивов могут быть объяснены рационально. В этом смысле я хотел бы поддержать Степана Васильевича в какой части, в той части, в части эмпирического материала, который был предложен нашей аудитории, где как раз вот эта концепция и реализована. Однако завернута она была, на мой взгляд, в негодный понятийный аппарат, а как мы с вами знаем, исходные предпосылки в решающей степени определяют те выводы, к которым мы придем. Если мы пользуемся неправильным понятийным аппаратом, негодным языком, это может

завести нас очень далеко от тех целей, к которым мы должны, просто обязаны прийти в интересах нашей страны и вообще политической системы в частности. Спасибо большое.

Ведущий: Спасибо. Три вопроса.

Мужчина: Забыли уточнить. Олег, я правильно понимаю, что как житель России, как избиратель России я, по большому счету, с учетом того, что вы сказали, ничем не отличаюсь от жителя Америки или Германии, то есть мы как человечество сталкиваемся с теми вопросами нерационального поведения и так далее, с которыми сталкиваемся и поэтому, грубо говоря, мое нерациональное поведение в России так же нерационально, как поведение американца, голосовавшего за Трампа или нет, или у нас есть свои особенности и нам нужно свои особенности выявлять? Спасибо.

Чернозуб О.: Да, фундаментально закономерности одинаковы, но особенности, конечно, есть.

Ведущий: Александр Секунов второй ряд.

Секунов А.: У меня два вопроса, ну, не два вопроса, а вопрос, состоящий из двух частей. Смотрите, если вы говорите, что никак не изменилась структура общества, то есть принципиально не поменялась, так из какой структуры при исследовании мы должны исходить, кто у нас группы по уровню потребления, буржуа или пролетарии, крестьяне, рабочие, кто, какую структуру надо брать за рабочих – это первый момент. Второй – это замечание, из чего надо исходить, если что-то не поменялось, на каком основании мы должны исследовать общество?

Ведущий: То есть как выглядит то, что не поменялось.

Секунов А.: Да. И второй не вопрос, а, скорее, замечание. Дело в том, что из ложных оснований совершенно необязательно, что следуют ложные следствия. Логика говорит о том, что из лжи может следовать все, что угодно.

Ведущий: Да, это замечание. Вспоминаем закон о логике. Олег, ответишь?

Чернозуб О.: Да, очень коротко. Со вторым сложно не согласиться, за ложными словами может следовать все, что угодно, но этот не тот путь, к которому я бы призвал следовать, значит, это по второму вопросу. По первому вопросу: принципы, вообще структуризация – это следствие нашей аналитической работы, которая с точки зрения предмета исследования никак его не меняет сама по себе. То есть исходя из тех целей, которые вы преследуете, ту систему классификации вы выбираете – это аналитический прием, не более того. Если вы конкретизируете задачи, тогда можно будет предметно обсудить, значит, какую классификацию предложить вам в качестве оптимальной на данный момент, скажем, уровня и высоты нашего познания предмета.

Ведущий: То есть это вы имеете в виду, что стандартной классификации, устраивающей всех, нет и быть не может. Есть только набор классификаций, которые более оптимальны при использовании для решения каждого конкретного вопроса. Спасибо. И последний вопрос. Игорь Минтусов первый ряд. И пойдём дальше.

Минтусов И.: Спасибо большое, Олег, за действительно интересную презентацию. Один из тех редких случаев, когда я не согласен ни с одним тезисом, который вы

высказали. (в зале смеются) Но постольку-поскольку формат вопроса не позволяет мне задавать эти вопросы я, с удовольствием, впервые эти вопросы вам задам.

Ведущий: Мы выделим время для дискуссии еще. Спасибо. Так, это был не вопрос, я видел, там была еще какая-то рука чуть подальше рядом с лестницей. Микрофон включите и говорите в него.

Женщина: Спасибо за доклад. У меня вопрос такой, скажите, пожалуйста, вот в рамках вашей схемы рационального человека считаете ли вы, что в условиях социальной неопределенности не может быть поведения рационального группы или человека? Вы говорили о том, что нужны определенные условия для рационального поведения. Спасибо.

Чернозуб О.: Да, конечно, разумеется, даже в условиях стабильной среды в полной мере рациональное поведение невозможно по ряду причин. В условиях, когда внешняя среда нестабильна, проблематизация этой возможности становится еще более острой. То есть вы абсолютно правы, да, я согласен, что чем неопределеннее среда, чем неопределеннее предпосылки всех возможных вариантов последствий, тем рациональное поведение в полном смысле этого слова становится менее возможным.

Мужчина: Неверное утверждение.

Женщина: То есть это ваше утверждение, что оно невозможно?

Мужчина: Есть неопределенная среда и рациональное решение поведения.

Ведущий: Это вы точно про человека спрашиваете? Может, про наше правительство. Возможна ли его рациональная политика в условиях всеобщей неопределенности. В любом случае, ответ получен.

Чернозуб О.: Есть теорема, которая показывает, что чем больше факторов нерациональности, тем меньше вероятность принятия рационального решения. Друзья мои, тут я не подпишусь критиковать, обосновывать отдельно, уже доказано в 1948-ом, по-моему, году.

Ведущий: Как полезно читать работы 1948-ого года. Действуем по заранее намеченному плану. Александр Демидов генеральный директор компании «ГФК-Русь». Я правильно говорю?

Демидов А.М.: Да, правильно.

Ведущий: Александр Михайлович, вам слово.

Демидов А.М.: Слышно меня, все нормально?

Ведущий: Нет, чуть громче или ближе.

Демидов А.М.: Вот так нормально. Спасибо большое. Уважаемые коллеги, мне сегодня хотелось бы несколько слов сказать о социальной структуре в связи с изменениями социальных и персональных ценностей россиян за последние 20 лет. На самом деле, когда мы обсуждаем социальную структуру, те вызовы, которые сегодня перед нами возникают, мы говорим в основном о факторах экономических, политических, социальных, демографических. И, кстати, на сегодняшней сессии мы тоже касались в основном этих вопросов, но мы мало затрагивали вопросы социально-ценностного потенциала нашего общества, а на самом-то деле, на мой взгляд, от

социально-ценностного потенциала нашего общества во многом зависит его структура. Исследователь ценностей знаменитый Рональд Инглхарт, который исследовал порядка 80-ти стран с точки зрения их социально-ценностного потенциала в течение 40 лет, говорит, что трансформация общества, прежде всего, зависит от модернизации экономики, то есть в этом смысле он в какой-то степени марксист. С другой стороны, он говорит, что на базе этих экономических трансформаций возникает новая система ценностей. И вот эта новая система ценностей определяет во многом соцструктуру, которая возникает в результате тех экономических трансформаций, которые имели место в той или иной стране. И, наконец, третье – это то, что социальные институты формируются только после того, как сформированы социальные персональные ценности населения. То есть невозможно взять какой-то социальный институт - условно говоря, демократический социальный институт - поставить его в какую-то страну, где социально-ценностный потенциал находится еще на совершенно далеком от этого социального института уровне и успешно его развивать. Мы проводим мониторинг социальных и персональных ценностей россиян в течение уже почти 20 лет. Я должен сказать, что социальные ценности и персональные ценности россиян остаются за эти 20 лет относительно стабильными, я бы сказал, в нехорошем смысле этого слова. Я приведу сейчас несколько примеров. Свобода. Все мы знаем этот феномен: свобода для нас особого значения не имеет. Как она не имела большого значения в 90-е годы, так она по-прежнему не имеет большого значения для нас и в сегодняшние 18-19-е годы. Взять хотя бы блок вопросов исследования, посвященных экономике. Мы ставим 36 экономических вопросов, с которыми мы просим респондентов согласить или не согласиться. Вот некоторые из них. Мы должны поощрять приватизацию, конкуренцию, развитие рынка. И второй – государство должно искать пути выхода из кризиса и контролировать рынки. Вы видите, что подавляющее большинство у нас выступает за то, что государство должно контролировать рынок, развивать экономику, и так далее, и тому подобное. Кстати, это созвучно тезисам Владимира Васильевича - он приводил пример о том, что 42, по-моему, процента у нас сейчас говорят о том, что они все сами на себя берут. И в нашем исследовании приблизительно 39, 34, 29 процентов тех, кто считает, что надо брать на себя развитие рынка. Остальные же все в подавляющем большинстве считают наоборот. Причем, что самое интересное, у нас, конечно, развитие в сторону определенной свободы происходило за эти годы. Особенно в 2000-е годы. Но вот в условиях кризисного периода, начиная с 2014-ого года, этот показатель опять пошел вниз, мы опять начинаем выступать за государственность, за государственный контроль и за всеобщее, всеобщее контролирование. Теперь моральные и материальные ценности. Соотношение моральных и материальных ценностей является показателем определенного демократического развития, когда моральные ценности становятся более важными, чем материальные ценности. У нас, если говорить, по большому счету, этого пока не произошло, хотя в определенный период тоже моральные ценности у нас начали обгонять материальные ценности, и доля людей, стремящихся к развитию своей личности, начала превышать долю тех, кто стремится больше зарабатывать денег. Следующий вопрос - насколько в обществе сейчас больше заботятся о том, чтобы зарабатывать деньги. У нас в 1997-ом году 50% говорили, что стремятся больше зарабатывать деньги, потом доля их упала, но в 2018-ом году у нас опять возросла доля людей, которые говорят о том, что стремятся больше зарабатывать деньги, а не развивать свою личность. Фактически показатель опять вернулся на ту же стадию, на тот

же уровень 50%. Социальная активность. Как мы видим, здесь тоже достаточно понятная картина: большинство довольствуются приятной, спокойной работой, – тогда как доля людей согласных «бороться за свой карьерный успех», в общем-то, меньше. Что я хочу этим сказать, что изменение ценностей россиян, персональных и социальных ценностей россиян, конечно, имеет место быть, мы немного движемся вперед, мы немного по отдельным показателям склоняемся к демократическим ценностям, но в целом это движение очень слабо, и, на мой взгляд, многие наши проблемы состоят именно в том, что наши ценности не соответствуют тем задачам, которые мы провозглашаем, которые мы прогнозируем и так далее. Другой вопрос - как повлиять на социально-ценностный потенциал общества? Это, на мой взгляд, намного сложнее, чем повлиять на какую-то экономическую составляющую нашей действительности. Скажем, увеличил процент банк, и что-то, вроде, изменилось. А здесь изменить очень сложно. Поэтому мне бы хотелось в нашу дискуссию внести именно вопрос о том, как социально-ценностный потенциал общества влияет на те вызовы и изменения социальной структуры, о которых мы сегодня говорим. Спасибо большое.

Ведущий: Спасибо, Александр Михайлович. Давайте начнем задавать вопросы. Вот первая рука. Уже встал наш участник.

Минаков С.: Спасибо за интересное выступление. Сергей Минаков, Вопросы экономики. У меня к вам вопрос по поводу соотношения ценностей и институтов. Вы утверждаете, что ценности первичны, что сперва люди должны созреть, а потом уже можно внедрять новые институты. Короткий пример: в Москве никогда водители не уступали дорогу пешеходам. Внедрили новые правила, новый институт и теперь уступают. Мне кажется, это полностью опровергает вашу позицию. Мне кажется, соотношение между ценностями и институтами может быть не только таким, как вы сказали, но и прямо противоположным. Спасибо.

Демидов А.: Я согласен с вами, что взаимовлияние всего и вся друг на друга есть. Безусловно, внедрение институтов не может не влиять на ценности, но я не хочу себе присваивать этот тезис, поскольку это не я придумал, это я сослался на Рональда Инглхарта, который говорит, что вначале идут экономические трансформации, потом идет ценностный потенциал общества и в третьем идут институты. С другой стороны, можно привести массу примеров. Вот наше гражданское общество. Сколько у нас было попыток внедрения различных институтов... - там омбудсменов, я не знаю, еще какие-то институты, значит, и масса, масса других - и ничего они не дали, потому что ценностный потенциал общества не соответствует этому. Поэтому здесь мы можем с вами, как говорится, поспорить, остаться при своем мнении или прийти к какому-то консенсусу.

Ведущий: Спасибо. Еще вопрос на третьем ряду слева.

Мужчина: Если позволите, вы говорите о ценностях, каких именно: базовых или инструментальных? Вот те вопросы, которые вы цитировали, они не явно заявляют уровень этих ценностей. Поясните, пожалуйста, об изменении каких ценностей вы хотели бы утверждать или их неизменности: базовых или инструментальных?

Демидов А.: Вопросы отличные, и, пожалуй, самый принципиальный, просто за неимением времени я не могу подробно углубляться в методологию этого исследования. Если говорить коротко, то я делю ценности на персональные ценности и социальные ценности. Что такое персональные ценности – это риск, отношение к работе, источники

тревог, и так далее. Что такое социальные ценности – это отношение к свободе, это отношение к происходящим событиям, это отношение к социальным вещам. В моей иерархии система ценностей делится следующим образом. Что касается инструментальных и базовых ценностей, то здесь они у меня не выделены.

Ведущий: Спасибо. И третий вопрос. Вот рука уже висит. Только представляйтесь, не забываете.

Журавлев А.: Андрей Журавлев, Банк России. Я хотел бы, значит, ответить коллеге из Вопросов экономики, если позволите. Мне кажется, что водители стали пропускать пешеходов, а пешеходы останавливаться на красный свет не потому, что появились новые правила, а потому что те и другие поехали в другие страны, увидели, как это работает там.

(возгласы сомнения в зале и смех)

Ведущий: Интересная гипотеза.

Мужчина: Учитывая, что у нас ездил меньше 5% населения.

Журавлев А.: Я в курсе. Коллега сказал в Москве, я думаю, в Москве пропорция другая. Ну, да ладно. Я рад, что вызвал оживление аудитории. Банк России не занимается правилами дорожного движения, вы правы. Вопрос вот какой, возможно, это было уже сказано в презентации, просто я со своего места не видел, было мелко. Так вот, вопрос вот какой: когда вы говорите о том, что материальные ценности вновь стали превышать по значимости ценности морального свойства, потом уточняете, что под ценностями морального свойства понимаете развитие личности, я, не будучи профессионалом в вашей сфере, тем не менее, позволю себе, может, именно поэтому усомниться в корректности подобного деления. Спросить я хотел, опять же, о другом, но в связи с этим, видно ли в вашей выборке в ваших исследованиях, как на ценность материального благополучия влияет профессиональная что ли принадлежность и в то же время можно ли действительно противопоставлять ценность материального дохода, материального благополучия неким моральным принципам в известном, в позитивном смысле этого слова, то есть готовы ли мы – россияне зарабатывать деньги любой ценой или все-таки есть те, которых становится все больше и больше, быть может, которые готовы зарабатывать деньги только честно и особенно в предпринимательском слое. Спасибо.

Демидов А.: Спасибо большое за вопрос. Я сошлюсь на международный опыт. Если вы откроете любое ценностное исследование, а их на Западе достаточно много, в отличие от России, то везде найдете вопрос: Что для вас важнее: развитие собственной личности или зарабатывание денег – это вопрос, который вошел в эмпирическую социологию уже в течение, наверное, 30-ти лет и так или иначе он играет, так или иначе он показывает, что для человека важнее то ли развитие собственной личности, то ли зарабатывание денег, так или иначе, он дифференцирует население по этому признаку. Что касается... Простите, второй вопрос?

Журавлев А.: Не второй, а главный: зарабатывать деньги любой ценой или зарабатывать честно?

Демидов А.: Понимаете, тут можно углубляться в постановки вопроса до бесконечности. Как говорится, есть такая шутка, когда у одного грузина спрашивают:

«Вы помидоры любите?». Он говорит: «Кушать люблю, а так нет». И так до бесконечности. Поэтому я ограничиваюсь тем, что сделано.

Ведущий: Спасибо. И я передаю слово Наталье Евгеньевне Тихоновой, гуру наших стратификационных исследований, представляющей Институт социальной политики Высшей Школы Экономики.

Тихонова Н.Е.: Спасибо. Коллеги, времени так мало, что я переструктурировала...

Ведущий: Как это, целых 7 минут.

Тихонова Н.Е.: Да, и расскажу некоторую конкретику уже ближе к концу, если успею. А пока начну с нескольких общих замечаний и, в частности, поскольку у нас все-таки дискуссия, то отошлюсь к предшествующим докладчикам. Во-первых, не могу не сказать насчет рациональности. Все-таки не надо путать рациональность вообще с экономической рациональностью, это принципиально разные вещи, особенно в нашем обществе. И россияне в массе своей достаточно рациональны, иначе бы они не выжили в таких непростых условиях, но эта рациональность часто как бы внеэкономическая, на первый взгляд. Например, они предпочитают наращивать имущество, чтобы сохраняться в том же социальном слое, сохранять свои социальные контакты и при этом залезают в кредит – это иррациональное, на первый взгляд, экономическое поведение и рациональное на самом деле, потому что социальный капитал сейчас гораздо более значим, чем та или иная сумма денег при том, какую роль социальный капитал играет в современной России. Теперь насчет вопроса, который только что прозвучал, насчет честности зарабатывания денег. Принципиально важно здесь то, честно или законно они заработаны, потому что про законность можно даже не спрашивать, она не очень значима. Про честность, да, моральные нормы играют достаточно большую роль, гораздо большую, чем мы порой представляем, просто наше население считает, что они лично такие дураки, что соблюдают эти нормы, а все вокруг них не соблюдают – такая картинка складывается во многом под влиянием наших СМИ.

Теперь о том, что происходит в социальной структуре. Я не считаю, что она усложняется. Дело в том, что сейчас параллельно в разных странах мира существуют разные типы обществ с характерными для них разными типами социальных структур и, соответственно, дифференцирующих оснований. В России это отражается через региональную неравномерность развития. Есть регионы, как Москва, которые вполне сопоставимы со среднеевропейской страной, я имею в виду уровень развития. Есть регионы, которые вообще еще только-только подходят к раннекапиталистическому / раннеиндустриальному уровню развития, потому что они до сих пор в массе своей отсталые сельские регионы. Поэтому первое, что мы должны учитывать – очень большую региональную неоднородность в стране.

Второе, что мы должны учитывать, это то, что у нас уменьшаются ядра групп, растет их периферия и трансграничная зона.

Теперь третье, что происходит, у нас невозможна становится дифференциация по какому-то одному критерию, то есть одномерная стратификация. Так называемые модели одномерных стратификаций перестают работать. Вообще считается, что последней классической моделью одномерной стратификации, которая работала, была марксистская. Это соответствовало состоянию общества в середине 19 века. Для стран отстающего развития еще даже в начале 20-ого века. Сейчас работают только

многомерные модели. И если мы возьмем группу, скажем, молодых людей с высшим образованием, выросших в семьях с родителями с высшим образованием и проживающих в крупных городах, а, с другой стороны, мы возьмем молодежь сельских поселений, где у родителей неполное среднее образование, и сами эта молодежь вообще без работы сидит, то мы получим две принципиально разные группы – это ядра определенных групп, но выделенных на основе многомерных критериев. Я упрощенный пример привела, на самом деле многомерные стратификации работают еще сложнее, но они работают, и они работают достаточно эффективно. Другое дело, под какую задачу мы хотим строить модель, и тут я полностью согласна с предыдущими выступающими.

Теперь о том, какие еще факторы затрудняют анализ. Я всегда очень осторожно отношусь к попыткам перенести западные теории на нашу почву. Во-первых, я сама их 20 лет переносу, перепробовала все основные теории, которые есть, обчислила массивы с точки зрения этих теорий, сравнила как они работают в наших условиях и так далее. И я могу сказать, что все-таки теории, которые рассчитаны на индустриальные общества, в том числе на позднеиндустриальные общества, работают у нас лучше, чем те, которые рассчитаны на общества, переходящие к постиндустриальному этапу развития. При этом лучше всего применительно к нашему обществу работает теория Кастельса. И вот если взять модель социальной структуры общества, которую предложил Мануэль Кастельс, то у нас получается примерно 10-15% тех, кого он называл «коллективный капиталист», примерно, 80% - тех, кого он называл «родовая рабочая сила» (это очень пестрая и неоднородная, но находящаяся в сходных классовых позициях, группа, включая трансграничные зоны) и примерно 5% - это ядро тех, кого он относил к исключенным. Я не буду останавливаться на том, что это за теория, если кто-то не читал Мануэля Кастельса, очень советую почитать, прекрасный автор, самый глубокий, на мой взгляд, из современных теоретиков.

Важно также, что западные теории стратификации - это теории, ориентированные на стабильные общества, во-первых, и на конкурентные общества, во-вторых. У нас нет ни того, ни другого – это тоже сильно затрудняет их применение. Даже не Западе, где эти теории довольно неплохо работали, с переходом к постматериалистическому этапу, о котором говорил Рональд Инглхарт, далеко не всегда они стали срабатывать. Под социально-экономические проблемы они срабатывают, а, например, под мировоззренческие уже не срабатывают. У нас же связь в отношении социально-экономических и мировоззренческих характеристик групп сохраняется. При этом огромную роль играет социализация. Где прошел социализацию человек – это социологи редко смотрят. Я имею в виду, городская это или сельская местность, уровень образования родителей. Важны также принятые человеком для себя ценности как результат своего жизненного пути. И есть разные ценностные кластеры – это хорошо в работах у Максима Руднева с Магуном показано.

То есть факторов, которые усложняют анализ дифференциации нашего общества, достаточно много, но они понятны. Они в литературе описаны, их можно учитывать и на них можно корректировать свои результаты.

Теперь о том, какие модели под что лучше работают, потому что это ведь основной вопрос: для чего мы используем такой инструмент как модель структурирования общества. Если нам нужно разобраться с задачами социальной политики или налоговой политики, то есть где начинать налог на роскошь и так далее, то нам нужна доходная

стратификация. Она тоже не так проста, как кажется, потому что можно проводить через соотношение с прожиточным минимумом, можно структурировать через позиционирование России на общемировом фоне, можно через так называемый относительный подход, оценивающий возможно ли поддерживать стандарт жизни, принятый в конкретно данном обществе. Мы проделали такую работу. Не буду подробно на этом останавливаться, скажу лишь, что пару месяцев назад у нас вышла книжка про доходную стратификацию в России, она есть и на сайте Вышки, и на сайте Института социологии, так что ее можно посмотреть. В принципе, модель стратификации российского общества интересная получается, даже если взять чисто доходную стратификацию, но подойти к ней не с экономической, а с социологической точки зрения. Оказалось, например, что в последнее десятилетие сокращается доля высокодоходных слоев. При этом по модели доходной стратификации Россия оказывается гораздо ближе к странам развитым, чем к развивающимся. То есть проблема не в инструменте, проблема в том, как с ним работать.

Модели по жизненным стилям, жизненным шансам хороши для маркетинговых исследований. Если мы занимаемся изучением протестных настроений, нам вообще все это не нужно, потому что, строго говоря, они на социально-экономическое положение завязываются мало, эти настроения завязываются на ценности. И они завязываются, в первую очередь, на то, что происходит с ощущением несправедливости, неправильности пути России, неприемлемости сложившейся модели общества и тут надо смотреть группы с разными ценностями.

Таким образом, все упирается в то, какие задачи мы перед собой ставим. В науке разработаны уже соответствующие теории и методы.

Ведущий: Спасибо, Наталья Евгеньевна. Вопросы. Вот на четвертом ряду.

Журавлев В.Е.: Спасибо за интересное выступление. Журавлев Виталий Евгеньевич, Институт мировых цивилизаций, кандидат социологических наук. Наталья Евгеньевна, у меня вот такой вопрос: с точки зрения стратификации российского общества, понятно, что стратификация более сложная система, чем классовое деление, более многофакторная. Начиная с 2000-х годов нельзя ли говорить с точки зрения ваших исследований, вашей оценки, что идет процесс сращивания высшего класса чиновников, высшего класса бюрократии и высшей доходной группы? Нельзя ли говорить о том, что сейчас мы наблюдаем процесс сращивания этих групп населения в единую страту и формирование на этой основе некой управленческой страты, некоего нового политического господствующего класса, который имеет какие-то свои социально-экономические, социально-политические задачи, в том числе связанные с консервацией такого положения, а также легитимации и дальнейшей пролонгации своего господствующего положения?

Ведущий: Спасибо. Наталья Евгеньевна.

Тихонова Н.Е.: Да, спасибо. Я просто сразу скажу, что, что эмпирические данные у нас в последние годы только по массовым слоям населения, но в 2003-ем году мы проводили опрос по высшим слоям населения. Элита к тому времени уже сформировалась, и в выборку входили губернаторы, президенты банков, члены советов директоров Газпрома и так далее. И получилось, что элитные группы – это представители высокоресурсных групп советского общества, которые конвертировали

неэкономические на тот момент ресурсы в экономические при переходе к рыночной экономике. Это неважно, в какие они их конвертировали, может быть – вы губернатор, сын у вас местный олигарх, то есть это очень узкая группа, которая плавно переключалась из одного общества в другое.

Ведущий: Спасибо. Еще один вопрос, второй ряд.

Мужчина: Я извиняюсь, что опять приходится задавать вопрос, но я коротко, это управленческий вопрос. Вот, представим, меня Владимир Владимирович Путин и граждане утвердили, выбрали мэром Москвы, и я вырабатываю стратегию социально-экономическую до 2024-ого года в Москве – это один вариант. А если меня отправили губернатором в Еврейскую автономную область на Дальний Восток, тогда это другой вариант. Но вопрос к вам, а если меня назначили премьер-министром России и нужно выработать варианты как для Еврейской области, так и для Москвы, по какому варианту идти при неравномерности регионов? Спасибо большое.

Тихонова Н.Е.: Вы знаете, проблема выравнивания условий жизни в регионах – это проблема колоссальная, к стратификации прямого отношения не имеющая. Но я вам скажу, с чего я бы начала, если бы была премьер-министром. Я бы начала с того, что заставила работать трудовые инспекции на проверку предприятий на соблюдение трудового законодательства, потому что в условиях, когда у нас около половины населения имеет несоблюдение выплат в рамках трудового законодательства, то есть это полностью или частично теневая занятость или невыплата больничных, отпусков и так далее, то дальше уже говорить о чем-то бесполезно, все-таки занятость – это основа доходов подавляющего большинства населения. А когда население увидит результаты и их сделают гласными, то уже можно будет работать и со всем остальным.

Ведущий: Спасибо. И третий вопрос. Сергей Патрушев, насколько я понимаю.

Патрушев С.: Наталья Евгеньевна, региональная дифференциация очень сильна в отношении к закону, она просто чудовищная: жить по закону, не жить по закону, поэтому то, что вы говорите, для начала надо какую-то ценностную вещь, но я не об этом хотел сказать. Вы не могли бы назвать исследование о росте, об укреплении моральных оснований российского социума. Вы сказали, что у нас все это начинает расширяться куда-то или укрепляться, вначале вы сказали об этом. Спасибо.

Тихонова Н.Е.: Да, я могу назвать, это исследование нашего Института социологии, поскольку я там тоже работаю. И в вышедшем по его итогам пятитомнике довольно много на эту тему есть. Я советую посмотреть то, что относится, например, к соотношению ценности работы и самореализации, то, что относится к готовности зарабатывать деньги по закону или любым путем.

Патрушев С.: Моральный порядок в России укрепляется?

Тихонова Н.Е.: Нет, я не говорю, что он укрепляется, я говорю, что он сохраняется, я говорю, что он сохраняется и у молодежи тоже. Я говорю, что, например, интересная работа стала важнее, чем было в 90-е годы. Я говорю о том, что у молодого поколения есть готовность к работе даже бесплатной на общее благо, мы, кстати, это видим все по волонтерству и развитию этого движения. То есть в этой области не все так однозначно, хотя нас упорно пытаются убедить, что нужно жить по каким-то волчьим законам. Какая-то часть населения этому поддается, но на самом деле она этому поддается все равно в

основном в отношении посторонних. Все равно для микромира старые ценности остаются. То есть социальный капитал общества у нас резко сокращается, все считают, что на просто посторонних рассчитывать нельзя, доверять людям нельзя, но при этом тем больше растет социальная значимость социального капитала социальных сетей тех, кого вы более-менее знаете, чье поведение предсказуемо, кого вы можете гарантировать. И роль рекомендаций поэтому растет. Поэтому я сказала, что для людей оставаться в рамках своих социальных сетей более значимо, чем то, что они в кредиты влезают. Тут очень сложные процессы идут, так в двух словах не успею рассказать.

Ведущий: То есть у нас сокращается бриджинговый капитал и растет бондинговый, да, социальный по известной классификации. Спасибо. У нас не так много осталось времени, и я передаю слово Иосифу Дискину – это наш последний на сегодня докладчик.

Несколько человек: А Задорин?

Ведущий: А Задорин будет слушать вместе с нами, как и все. И так, Иосиф Евгеньевич Дискин председатель научного совета ВЦИОМ и представитель одной из важнейших комиссий Общественной палаты РФ.

Дискин И.Е.: Прежде всего, хотел извиниться за отсутствие презентации

Прежде всего, я хотел бы поддержать исходную интенцию организаторов обсуждения относительно того, что нужны новые основания и усложнение социальной структуры. В разгоревшемся споре я хотел бы вспомнить известную цитату графа А.К. Толстого: «Двух станов не боец, а только гость случайный».

Да, экономическая структура у нас не сильно меняется, зато очень сильно меняется интерпретация позиций по отношению к происходящему и, поскольку нас интересуют проблемы регулирующего воздействия и каузальность этих проблем, то это приходится воспринимать как усложнение социальной структуры – это первое.

Второе, для того чтобы отвечать на вызовы социально-экономической политики, давайте поймем существо этих вызовов. Мы сегодня находимся между Сциллой и Харибдой: с одной стороны – российский прорыв, если он идет успешно – это кардинальное изменение положений большинства социальных групп, одни группы идут вверх, другие вниз, меняется положение регионов и это, конечно же, является сильным испытанием для социально-политической системы. Не менее важна и противоположная ситуация, когда мы втягиваемся в действие закона де Токвиля, а мы в него втягиваемся. Вечера Валерий Валерьевич по Первому каналу говорил об этом, что нарастает кризис ожиданий. Раскрученные ожидания роста улучшения социально-экономического положения находится во все большем контрасте с реальной ситуацией. Это было бы еще полбеда. Но на это накладывается еще один фактор, об этом коллеги говорили, я просто хочу его заострить. Вопрос состоит в том, что за последние месяцы существенно возросла значимость целого ряда базовых ценностей. И как только социально-экономические решения затрагивают эти базовые ценности (пенсионная реформа – это яркий частный случай и вопрос был не о рациональном расчете, кто чего выиграл), то возникает более фундаментальный вопрос: насколько справедливо устроено наше общество. Ситуация преобретается из рациональной калькуляции выгод и издержек в морально-нравственную плоскость и в ответ наступает эмоциональная реакция.

Обратите внимание еще на один круг признаков. Много раз высказывали всякие глупости наши чиновники, но раньше по этому поводу высказывались отдельные правозащитники, а в последнее время слышно широкое общественное негодование. Реагирует широкая общественность. Эта реакция становится частью массового сознания.

Можно сказать, что в условиях действия закона де Токвиля важнейшим фактором становится растущая нравственная чувствительность нашего общества. И по мере дальнейшего развития, по мере нарастания кризиса ожиданий, этот рост будет усиливаться. Нравственное измерение развития будет все больше определять установки значительной части российского общества по отношению к характеру и тенденциям развития — это существеннейшим образом ограничивает коридор возможностей в реализации социально-экономической политики

Сегодняшнее топтание на месте невозможно: нас просто разорвет кризис ожиданий, а реализация динамичного экономического развития, когда отсутствует экспертиза социально-политических последствий, принимаемых экономических решений (высказывание Антона Германовича Силуанова, что мы не ожидали такой реакции на пенсионную реформу –свидетельствует об отсутствии такой экспертизы), выводит нас в пространство, где неопределенности становится, я бы сказал, мало приемлемыми для ответственного гражданского общества.

Что же делать нам? Значит, прежде всего, необходимо вернуться к базовым основаниям. Сегодня об этом говорили коллеги, прежде всего, Наталья Евгеньевна об этом говорила, что теоретическая ориентация на одну категорию мало работает. Но нужен ответ: почему на Западе она также перестала работать? Мы – социологи как-то за последние 60 лет перестали обращать внимание на институциональные изменения условий формирования общественного сознания. Что здесь имеется в виду? Ведь надо понимать, что, когда Маркс и, затем, Бернштейн обсуждали проблему формирования классов, действовали очень разветвленная система социальной рефлексии интересов в диалоге с ценностными представлениями. Существовала достаточно интегрированная институциональная система, когда ценности и интересы не могли разрываться. Как раз вторая половина 20-ого века предопределила ситуацию, когда снизила свое влияние вся эта система институтов. А у нас к этому снижению влияния добавился процесс индивидуализации, о котором ряд присутствующих коллег писали. Важно отметить, что эти процессы зашли очень далеко и при этом абсолютно не компенсировались механизмами интеграции и рефлексии социально-экономических интересов.

В результате ценности и интересы разъехались при том, что институты формирования ценностных представлений работают вполне исправно. И Наталья Евгеньевна совершенно справедливо упоминала социализацию, но только не было упомянуто еще и социальной интеграции. Здесь дело обстоит совсем плохо.

В результате происходящих процессов начали дефектно работать большинство институтов социальной интеграции, в ходе которых и происходит интеграция ценностей и представлений. Поэтому, когда Наталья Евгеньевна говорит, что давайте мы восстановим трудовые права, формально она права. Беда только состоит, шахматисты меня поймут, комбинация с дыркой, Там мат в промежутке. Как только мы в современных условиях начнем требовать соблюдение всех норм трудового

законодательства, не изменив многие сопряженные условия и отношения, у нас остановится, приблизительно, 30% российской промышленности. Как член бюро лиги оборонных предприятий могу это точно сказать.

Значит, нужно действовать аккуратней. Прежде всего, учитывать тот самый разрыв ценностей и интересов, о котором я говорил.. Но все, что же делать-то? Прежде всего, необходимо вернуться к институциональному анализу системы взаимодействия ценностей и социальных интересов, необходимо восстанавливать систему горизонтальных связей. Вебер много писал, про доктринальное влияние протестантизма, но только маленькая деталь., Там, кроме доктринальных установлений, действовала жесточайшая система социальных институтов горизонтального контроля, которая обеспечивала соблюдение этих доктринальных норм. Хотел бы посмотреть я, какие у нас институциональные механизмы, которые обеспечивают соответствующую поддержку.

По поводу нравственного фундамента. Мы все время путаем, о каких нравственных ценностях идет речь. Если речь идет об универсальных ценностях, то с этим не сильно хорошо, зато очень сильно влияние партикулярных ценностей, которые обеспечивают цепочки доверия. Именно они держат на себе основную часть функционирования сегодняшних социально-экономических институтов. Поэтому специфика российского социально-экономического развития состоит в том, что у нас все время работает сильное влияние партикулярных ценностей при том, что и универсальные ценности постепенно усиливают свое регулирование., Поэтому позиция радикального либерализма, который был построен на том, что необходимо изживать партикулярные ценности – это сомнительная позиция. Почему? Потому что такой либерализм может существовать только в форме религии, которая вовсю разгулялась на Западе и блокирует рефлексию массовых интересов. Нам вряд ли нужно наступать на эти грабли. Спасибо.

Ведущий: Спасибо. Игорь Вениаминович, у вас реплика была, да?

Задорин И.Е.: Две.

Ведущий: Давайте. И после этого вопросы.

Задорин И.Е.: Иосиф Евгеньевич [Дискин] фактически сделал обобщающие выводы, и в этом смысле моя реплика – это, скорее, иллюстрация к его выводам, связанным, прежде всего, с вопросом о социальной интеграции. Действительно, социологи злоупотребляют порой такими выражениями как «россияне думают о том-то», «россияне предпочитают то-то», «россияне хотят перемен». Вообще говоря, уже нет «россиян» в целом и мы не можем говорить практически по очень многим вопросам о «россиянах в целом». В этих условных «россиянах» объединяются очень разные сущности, и понятно, что это не связано только с растущим разнообразием социальной структуры. Социальное пространство за последние годы не сильно обогатилось. Количество различных социальных позиций, которые могут занимать наши граждане, не сильно умножилось. Но что изменилось? Изменились возможности видеть разные картинки мира, и вот здесь усилилось, скажем так, стилевое разнообразие и разнообразие социальных норм, которые в каждой отдельной социальной группе могут считаться за нормы, а в других – за девиацию. Во многом это связано как раз с диверсификацией не социальной структуры, а медиапространства, которое в настоящее время расщепляет общество, а не объединяет его. Раньше оно действительно работало

как институт социальной интеграции, потому что медиа задавали единые общие универсальные нормы. Даже если человек не был близок к этим нормам, он их, по крайней мере, знал – «вот это норма в обществе, так считают многие, и это правильно». В настоящее же время медиа сильно фрагментировали общество по отдельным нормативным стилям, и более того, создали такие стилевые ниши, в которых человек прибывает довольно комфортно и автономно. Перестали существовать универсальные медиа. Ранее телевизор транслировал те самые универсальные нормы, которые обеспечивали единство страны, ценностное единство общества. Сейчас уже не так. Интернет демонстрирует и транслирует высочайшую дифференциацию предлагаемых ценностных позиций и предлагаемых «картин мира». При этом, заметим, существует очень серьезная дифференциация по потреблению разного рода каналов. В соцсетях сидят 96% молодежи до 24 лет и только 21% старшего поколения, и это закрепляет принципиально разные картинки мира у этих групп. Точно такое же различие раньше было по проникновению интернета в городах и в сельских населенных пунктах. Сейчас, вроде бы, доступ в Интернет выровнялся, но сохраняется принципиально разное потребление именно соцсетей, где складываются те самые связи и локализуются нормы и стили поведения. Так вот, собственно, мой тезис и моя реплика заключается в том, что медиа-механизмы и сегодняшнее медиа-пространство работают на очень серьезную фрагментацию общества, связанную не с реальными социальными позициями, а с разными картинками мира, с которыми живут наши граждане. И это не менее важный фактор «усложнения общества», о котором тут говорилось, чем усложнение социальной структуры.

Второе. Вот было сказано «россияне хотят перемен», значит, 52% респондентов так заявили. Но когда мы начинаем анализировать эти 52%, выясняется, что они разные перемены хотят, в некоторых случаях прямо противоположные. Поэтому этот народный запрос невозможно политически монополизировать. И еще о страхах, якобы общих. Мы сейчас как раз получили данные опроса о том, чего боятся россияне. Там большой набор страхов, угроз самых разных, и если просто посмотреть на проценты, то все эти страхи набрали от 45 до 65 процентов респондентов, то есть внешне почти равномерно распределились. Но как только начинаешь смотреть внимательнее, а кто воспринимает эти угрозы как актуальные, то получается, что для разных людей и угрозы разные. Люди живут в разных пространствах страхов. И эти разные пространства страхов формируются так же в зависимости от того, что граждане видят, воспринимают, слушают и читают.

И теперь я фактически заканчиваю тезисом Иосифа Евгеньевича. С этими явлениями повышенного разнообразия картин мира и норм социального поведения связана большая проблема. Возникает потребность в создании новых механизмов социальной интеграции взамен медиа, которые раньше были такими механизмами. И взамен системы образования, которая тоже была когда-то системой социальной интеграции, тоже задавала нормы, а сейчас их не задает, а, наоборот, дифференцирует. Спасибо.

Ведущий: Возвращаемся в (неразборчиво 1,46,00) эпоху. Коллеги, нужно посоветоваться. 4 минуты у нас осталось. Мы, вроде бы, должны были задать вопросы последним двум выступающим, и тогда у нас не останется даже этих жалких 4 минут на дискуссию. Есть ли те, кто не может молчать, и кто хотел бы использовать крохи времени для содержательного выступления, поднимите, пожалуйста, руки. Вот одна уже есть,

вторая есть. Давайте тогда обойдемся без вопросов. Вот, пожалуйста, дайте микрофон, третий ряд справа. Две минуты. Представьтесь только.

Зинкин Ю.А.: Зинкин Юрий Александрович член-корреспондент Международной академии института социальных технологий, дальше не буду рассказывать. Значит, коллеги, я сейчас много занимаюсь и техническими вопросами, и социальными вопросами, мне кажется, что, что то, что здесь говорили, их можно будет несколько объединить и структурировать лучше. Если мы разделим людей на две группы: те пассивные люди, которые жертвы, которые из 90% всех вопросов говорят: вот начальник плохой, жена плохая, дети идиоты, луна не в той фазе, солнце не так светит, все виноваты, кроме меня и, соответственно, лидеры, те, которые говорят: 10% ни на что я не влияю, а 90% это проценты моей жизни и тогда, если мы ориентируемся на эту группу людей, тогда, с моей точки зрения, сейчас очень важно в стране сформировать новых героев. И люди, которые своей идеей, своим образом жизни могли бы жить нормально. В этом плане я начал формировать новую социально-ответственную деловую линию России – генеральный директор своей жизни. Тем, кому это будет интересно и вместе двигаться в этом направлении, я думаю, в этом плане мы сможем создать новую модель хорошего, красивого человека, умеющего отвечать за свою жизнь в этих условиях, извините за выражение, не наматывать сопли на кулак и вот эти люди как раз могут быть тем ядром, тем центром, которые смогут выбить основную массу, научить людей управлять высоким качеством своей жизни. Кому эта тема будет интересна, давайте объединяться и, будем вместе эти вопросы решать. Спасибо.

Ведущий: Спасибо. Так, и вот последнее выступление нашего самого активного участника.

Мужчина: Я считаю, что вопрос лидерства в нашей стране главный. Конкурс Лидеры России, я был одним из тех, кто даже лауреатом стал, не в сотню вошел, но лауреатом стал, но в итоге оказалось, что эти лифты, они пришли за сотней, а тот, кто 101-й, 102-й, 1000-й до сих пор ничего не получили и до сих пор ждут тот самый лифт. А я уверен, что для нашей страны, при такой громадной стране невозможно одному человеку решить, какой должен быть национальный проект, какому бы ни было идеальному правительству решить, какие должны быть национальные институты, приоритеты и так далее. Отсюда в чем предложение, я честно, искренно благодарен за всю дискуссию, которая здесь была, что нам дали возможность выступить. Может быть, ВЦИОМ как очень авторитетная серьезная организация могли бы или сами проанализировать, а потом предложить обществу или, наоборот, спросить у общества, какие же все-таки ценности, приоритеты должны быть для них, чтобы в конце 2024-ого года они могли бы с уверенностью сказать: Да, здравоохранение было платным все годы 90-е, 00-е, стало более-менее бесплатным, качественным и так далее. Характеристика? Да. Жизненный уровень, материальная обеспеченность, то есть пенсионное обеспечение, вот какие-то 10-15% максимум факторов выявить, что для людей важно для оценки и тогда, как президент вчера сказал, опираясь на то, что он вчера говорил, он правительству сказал: «Каждый квартал буду вас оценивать». Давайте вот мы с Общественной палатой, с другими разными общественными институтами скажем и мы готовы подключиться и сказать: «Владимир Владимирович, если мы каждый квартал не видим изменений в Москве и в регионах, то тогда нужно обратить внимание не только

на те показатели для губернаторов, но и на те показатели, которые важны для общества» - вот это я предлагают делать. Спасибо.

Ведущий: Спасибо.

Мужчина: Поскольку упомянут Общественная палата, мы запускаем региональный проект, который называется «Вертикальная мобильность гражданских активистов».

Ведущий: Да, а мы как раз работу исследовательскую по выявлению вот этих индикаторов, которые будут важны не чиновникам, а людям, я тоже уже проверил, на самом деле и уже кому следует, передали все. Так что президент вчера не просто так выступал, а уже с материалом на руках. Я хотел бы поблагодарить всех участников, всех тех, кто задавал вопросы и, конечно, тех, кто выступал. Хочу поблагодарить так же РАНХиГС за прекрасную площадку, где не было тесно, а было вполне комфортно и интересно. И хотел бы сообщить, что все презентации интереснейшие будут опубликованы на сайте ВЦИОМ в ближайшее время, всех туда адресую. А те, кто действительно заинтересован в продолжении дискуссии, приглашаю на Грушинскую конференцию 20, 21 марта, которая пройдет под девизом «Социальная инженерия: как социологи меняют мир». Спасибо за внимание. Пройдет на площадке Финансового университета в Москве.